

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БОЦМАН В ЛЕДЯНОМ АДУ

Морской спецназ

Сергей Зверев

В ледяном аду

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

В ледяном аду / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014 — (Морской спецназ)

ISBN 978-5-699-69565-2

В Антарктике совершено нападение на российское научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов». Вооруженные до зубов бандиты захватили корабль, расстреляли команду и похитили новейшее оборудование для поиска углеводородов, аналогов которому нет в мире. В Москве паника: если аппаратура похищена представителями «нефтяных держав», цены на нефть в ближайшем будущем рухнут, и экономике России будет нанесен колоссальный ущерб. В Антарктику немедленно вылетает группа морского спецназа под командованием Виталия Саблина по прозвищу Бойцман. Бойцам приказано вернуть оборудование на территорию России. Любой ценой...

ISBN 978-5-699-69565-2

© Зверев С. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Боцман. В ледяном аду

Глава 1

Небольшой гидросамолет ровно гудел в безоблачном небе. Внизу проплывали морские волны, среди которых тут и там виднелись льдины, отколовшиеся от полярного панциря. Рядом с пилотом сидел мужчина в возрасте с явно флотской выправкой, хотя и одетый в штатское. За ним в салоне на мягких креслах расположились трое – двое молодых мужчин и женщина.

Крепко сложенный шатен с короткой стрижкой, в отличие от своих товарищей, в иллюминатор не смотрел. У него на коленях стояла небольшая походная шахматная доска с магнитными фигурками. Он задумчиво водил над ними левой рукой, раздумывая, какой сделать ход.

Человек, сидевший рядом с пилотом, обернулся и крикнул, перекрывая гул мотора:

– Каплей!

Любитель шахмат не услышал, будучи погруженным в размышления, и тогда немолодой мужчина начальственной внешности решил позвать его по-другому:

– Эй, Боцман! Так, за своими шахматами, ты пропустишь самое интересное.

Любитель шахмат вскинул голову и тут же отозвался:

– Слушаю вас, товарищ контр-адмирал.

Слово «боцман» всегда вызывает богатый ассоциативный ряд: суровый мореман с серебряной дудкой на цепочке, крик «свистать всех наверх!», страх и трепет команды... Капитан-лейтенант спецназа Балтийского флота Виталий Саблин имел в своей богатой военно-морской родословной несколько боцманов, но никак не соответствовал типу заматеревшего палубного диктатора. Интеллигентный любитель шахмат, начитанный и скромный. Разве похож такой человек на диктатора?

Кличку Боцман он получил еще в юности, будучи нахимовцем. Парень вместе с друзьями проходил плавпрактику на барке, где сразу обратил на себя внимание любовью к порядку и требовательностью к его исполнению. Именно благодаря этим качествам Виталик и попал в элитную спецшколу подводных пловцов на Балтике, завоевал авторитет у командования и товарищей по оружию.

Было у Саблина качество, весьма нечастое среди офицеров спецназа. Этот страстный любитель шахмат все свое свободное время тратил на изучение классических поединков. Достаточно было назвать любую знаковую партию, чтобы Боцман не только провел ее анализ, но и указал на ошибки гроссмейстеров.

Служба в военно-морском спецназе была не из легких. В последние годы боевые пловцы оказались на редкость востребованными, притом в тех операциях, о которых обычно не сообщают в программах теленовостей. Рутинные тренировки, ежемесячные сдачи нормативов и допусков, бесконечные авиаперелеты, скрытные боевые акции в разных морях и океанах... Вот уже два с половиной года Саблин возглавлял небольшую мобильную группу, куда кроме него самого входили грек из Новороссийска Коля Зиганиди, виртуозный специалист по минновзрывному делу, и уроженка Петербурга Катя Сабурова, входившая в число лучших балтийских боевых пловцов.

Мобильная группа напрямую подчинялась только контр-адмиралу Федору Ильичу Нагибину, начальнику ГРУ Балтийского флота. Адмирал Нагибин счастливо сочетал уважение начальства и любовь подчиненных. Первые ценили его за обстоятельность и профессионализм, вторые уважали за умение отстаивать интересы флота и демократичность в общении.

– Скоро выходим на точку, так что, каплей, закрывай свою коробку с шахматами, и смотрите все в шесть глаз. Противника надо знать в лицо.

– Есть, товарищ контр-адмирал! Будем смотреть в шесть глаз, – за командира группы ответила Катя Сабурова.

Легкий гидроплан нырнул, снизился до ста метров и пошел над водой. Впереди уже виднелось китобойное судно средних размеров под японским флагом. На носу четко различалась гарпунная пушка, возле которой застыл китобой в оранжевом плаще с капюшоном.

Нагибин указал рукой в лобовое стекло.

– Вон, видите, кит всплыл.

Среди волн показалась гладкая спина, и тут же в воздух поднялся фонтан, состоящий из воды и пара. Китобойное судно под японским флагом явно спешило к месту всплытия гиганта. Но ему, как могли, мешали четыре маневренные надувные моторки. Они пронеслись под самым носом у китобоя. Люди, сидевшие в них, что-то кричали в мегафоны, зажигали дымовые шашки, не давали японцам приблизиться к всплывшему киту на расстояние выстрела.

Команда китобойного судна явно уже потеряла терпение. На палубе включили пожарные гидранты, и тугие струи воды обрушились на моторки. Но люди, сидевшие в них, все равно продолжали мешать китобоям. Картина была живописная. Мрачное судно с гарпунной пушкой на носу. Струи воды из четырех гидрантов. Ярко-оранжевые моторки с отчаянными парнями. А надо всем этим кружил легкий гидроплан.

Нагибин знаком показал, чтобы боевые пловцы надели наушники, потому как без средств связи невозможно было услышать друг друга из-за шума мотора.

– Эти моторки принадлежат «Гринпису». Знаете такую организацию?

– Немного слышаны. Телевизор изредка смотрим и газеты читаем, – отозвался Виталий Саблин.

– Ну так вот. Одна из их целей – прекратить добычу китов. Едва ли не все страны мира уже давно от нее отказались. А вот японцы добывают этих морских млекопитающих по сей день. Правда, с одной оговоркой. Якобы происходит это в научных целях. Но большинство экспертов уверены в том, что цели не научные, а по большей части коммерческие. Все добытое мясо исправно реализуется в японских ресторанах и стоит немалых денег.

Гарпун так и не вылетел из пушки. Кит, потревоженный моторками и громкими звуками, ушел под воду.

– Мне эти ребята даже чем-то симпатичны, – произнес Николай Зиганиди, глядя на то, как оранжевые моторки отошли от китобоя на безопасное расстояние и закладывали круг за кругом.

Люди, сидевшие в них, победно вскидывали руки и что-то кричали японцам. Наверняка это «что-то» было очень обидным, судя по реакции команды китобоя.

– Я тоже должен согласиться с этим, – заявил Саблин. – Занятие у них вполне благородное. Но, честно говоря, организация «Гринпис» какая-то мутная. Никто толком не может объяснить, каковы источники их финансирования.

Моторки выстроились цепочкой и двинулись к северу. Нагибин дал знак пилоту, чтобы следовал тем же курсом. Естественно, самолет шел быстрее, поэтому ему приходилось раз за разом ложиться на обратный курс, а затем возвращаться. Нагибин больше ничего не говорил и опустил наушники на шею.

Через полчаса внизу нарисовался небольшой ледокол, застывший у самой кромки пакового льда. Моторки подошли к нему. Победителей-китобоев радостно встречала команда судна. Самолет заложил над гринписовским ледоколом еще один круг и ушел к северу. Вскоре поплавки коснулись льда. Гидроплан пробежался по нему и замер, замолк двигатель.

Нагибин обернулся к боевым пловцам и заявил:

– Предлагаю всем выйти. Надеюсь, от хорошего кофе никто не откажется, не так ли?

Да, у контр-адмирала были свои странности. Он любил эффектные жесты. Совещание можно было провести внутри самолета или же вернуться на базу. Но, согласитесь, пить горячий кофе на паковом льду – это своего рода аттракцион.

Зиганиди с Саблиным вынесли из гидроплана пластиковые кресла и раскладной столик. Катя Сабурова постелила на него небольшие льняные салфетки, поставила чашки и разлила из металлического термоса кофе, источавший приятный аромат.

– Присаживайтесь, товарищи офицеры, – предложил контр-адмирал и отхлебнул кофе.

Николай, Виталий и Катя отпустились в кресла. Сидеть за столиком на льду и попивать кофе – да уж, такое занятие было несколько странным.

– У меня такое чувство, что мы на пикник выбрались. – Сабурова улыбнулась.

– Нужно уметь соединять приятное с полезным, – заявил в ответ контр-адмирал. – Итак, даже вы попали под обаяние этой странной организации «Гринпис». Конечно же, любой здравомыслящий человек посочувствует бедным китам, которых ради наживы истребляют японцы. Дело благородное. Подобными акциями они создают себе то, что называется репутацией. А теперь попробуйте ответить на один-единственный вопрос: откуда у них взялись средства на фрахт или покупку суперсовременного ледокола?

– Так сразу и не ответишь, – сказал Саблин. – Вряд ли такие деньги можно получить от частных лиц, заботящихся об охране животных.

– Ответ хоть и неконкретный, но абсолютно правильный. Бабки они зарабатывают на другом. По большому счету эти ребята представляют собой банду громил, которых нанимают, чтобы ликвидировать бизнес конкурентов. Иногда они почему-то начинают выступать против строительства атомных электростанций. Я не хочу сказать, что среди них нет честных людей. Их там полно, но они даже не подозревают, в каком качестве их используют. А ответ прост. Мировое нефтяное и газовое лобби башляет их боссам за то, чтобы эти ребята сорвали строительство атомной электростанции. Вот они и стараются, затем с таким же рвением начинают бороться против разработки нефтяных месторождений в море. И тут тоже глубоко копать не надо. На этот раз атомное лобби наняло борцов за экологию, чтобы подорвать конкурирующий бизнес. Все очень просто – рулят деньги.

– Товарищ контр-адмирал, вы назвали их нашими противниками. Хотелось бы узнать суть задания. – Саблин отодвинул от себя пустую чашку.

Катя взглядом спросила у каплея, не подлить ли еще. Виталий отрицательно качнул головой.

– По оперативным данным, в ближайшее время «Гринпис» развернет акцию против добычи нефти и газа на шельфе Северного Ледовитого океана, – проговорил контр-адмирал. – Этот проект – один из российских приоритетов. Здесь мы находимся впереди планеты всей. Я понимаю угрозу экологии и все такое прочее. Но нельзя же вернуться в каменный век, освещать квартиры свечками и согревать дровами. Научно-технический прогресс не остановишь. В России наработан уникальный опыт добычи углеводородов в полярных условиях. Кстати, надо сказать, что уже запущена программа по разведке полезных ископаемых не только в Арктике, но и в Антарктике. Эти милые борцы за права китов могут нам сильно навредить. Их влияние на общественное мнение велико. Ледокол, принадлежащий этой организации, в ближайшее время будет отправлен поближе к берегам России. Туда, где производится разведка и готовится добыча углеводородов. Можете себе представить телевизионную картинку. Российские нефтяники с платформ поливают ледяной водой из пожарных брандспойтов симпатичных ребят.

Виталий, Катя и Николай переглянулись, а контр-адмирал продолжил:

– Наша задача – не допустить этого. Ведь акцию «Гринписа» финансирует одна из очень влиятельных западных нефтегазовых корпораций, которая сама усиленными темпами ведет геологическую разведку в Арктике и Антарктике. Лучше всего нанести упреждающий удар. Ваша задача – обездвигить ледокол, который вы видели. Тогда их акция сорвется. Причем

сделать это нужно так, чтобы никто не пострадал, и ни в коем случае не выдать себя. В глазах общественного мнения все должно выглядеть так, словно гринписовцам отомстили японские китобои. Задача ясна?

– Ясна, товарищ контр-адмирал. А как насчет оборудования, которое нам понадобится?

– Об этом позаботились технари. Все необходимое уже готово и доставлено на лед. – Контр-адмирал положил на стол лист бумаги и принялся водить по нему остро отточенным карандашом. – Вот это ледокол, – комментировал он, нарисовав судно. – Здесь силовая установка. Нужно вывести из строя двигатель.

– Незаметно подняться на борт, достигнуть силовой установки и уйти незамеченными у нас вряд ли получится, – скептически проговорил Саблин.

Нагибин слегка улыбнулся и пояснил:

– Подниматься на борт не надо. Все можно сделать из-под воды. – Он нарисовал два кружочка на корпусе ледокола ниже ватерлинии. – Это водозаборники. Они нужны для охлаждения двигателя. А в них мы запустим вот такие штучки. – Нагибин сунул руку в карман куртки, извлек два поблескивающих прозрачных силиконовых шара размером с грецкий орех и катнул их к Саблину и Сабуровой.

Те принялись их рассматривать. Лицо Саблина просветлело, когда он понял, в чем дело.

– Хитро придумано, – согласился капитан-лейтенант. – Запускаем в систему охлаждения шары, начиненные стальной стружкой. Она вмиг разворотит помпу. На ремонт уйдет уйма времени.

– Не стальной стружкой, а титановой, – уточнил контр-адмирал Нагибин, любивший ясность во всем. – Для надежности вы выведете из строя еще и руль судна, но уже при помощи самой банальной взрывчатки. Портативные кумулятивные мины уже доставлены на лед. Мой план таков. Сперва под воду спускаются Сабурова и Зиганиди. Вы просто обследуете акваторию в районе стоянки ледокола. Если даже гринписовцы вас обнаружат, то обвинить ни в чем не смогут. Никто не вправе запретить человеку просто плавать с аквалангом там, где такое развлечение не запрещено. Убедившись в том, что у них нет средств обнаружения пловцов, вы возвращаетесь. Тогда под воду вместе с диверсионным снаряжением уходит каплей. Он устанавливает взрывчатку на руль, запускает силиконовые шарики в систему охлаждения силовой установки. Вот и все. Этим мы сможем сорвать акцию и не засветиться.

– Не засветиться, как я понимаю, это главное условие? – уточнил Саблин.

– Естественно, – подтвердил контр-адмирал.

– Похоже на мелкое вредительство. – Николай Зиганиди усмехнулся.

– А ты, старлей, хотел крупного, да? С кораблекрушением и жертвами? Этим как раз и собрались заниматься ребята из «Гринпис». Их задача – подорвать добычу углеводородов в Российской Федерации. А мы ответим мелкой, зато эффективной диверсией.

Саблин сидел задумавшись, а затем произнес:

– Не думаю, что из средств обнаружения у них на борту есть что-то более серьезное, чем эхолот. А при помощи этого прибора аквалангиста от тюленя не отличишь.

– Верно рассуждаешь.

Капитан гринписовского ледокола стоял на мостике и осматривал льды через бинокль с запада на восток. Лиловыми бликами отливали линзы. Сколько он ни всматривался в белое безмолвие, но так и не обнаружил хоть каких-то признаков присутствия техники или людей. Капитан удовлетворенно опустил бинокль, вытащил из кармана плоскую металлическую фляжку, свернул винтовую пробку и сделал небольшой глоток.

Откуда ему было знать, что за торосом, расположенным на самом краю пакового льда, в полутора кабельтовых от ледокола находятся российские боевые пловцы. Погружаться в холодных арктических водах – занятие рискованное. Главным образом из-за опасности переохлаждения. Поэтому Николай и Катя надели под утепленные гидрокостюмы по две пары толстых

шерстяными свитеров, такие же носки и теплое белье. Конечно же, воздух, заключенный между шерстяными волокнами, увеличивал плавучесть. Чтобы ей противостоять, им пришлось взять с собой и балласт – свинцовые пластины.

Саблин в белом маскхалате, надетом поверх гидрокостюма, по-пластунски поднялся к вершине тороса и глянул на ледокол. На палубе царило спокойствие. Слышно было, как мерно работала силовая установка, производящая электричество для жизнеобеспечения судна.

– С богом, – негромко проговорил он и махнул рукой, давая понять Николаю и Кате, что можно начинать.

Боевые пловцы бесшумно ушли под воду. Саблин засек время, когда это случилось.

При погружениях с аквалангом крайне важно учитывать время, проведенное под водой. Пока имеется запас воздуха, можно особо не беспокоиться. Но вот если аквалангист не появится в условленный момент, то следует бить тревогу.

Саблин поставил на выступающий кусок льда, как на столик, шахматную доску. Он аккуратно раскрыл ее и расставил фигуры определенным образом, даже не пользуясь записями, по памяти.

– Белые начинают и выигрывают в пять ходов, – пробормотал он и положил рядом с доской наручные часы.

Пальцы Виталия коснулись белой ладьи и передвинули ее на три клетки. Да, он сдавал воображаемому противнику важную фигуру, но при этом получал тактическое преимущество.

– Шах и мат, – усмехнулся Саблин, приперев черного короля в углу доски. – Белые начали и выиграли в пять ходов. Этюд окончен.

Саблин мог бы и не смотреть на часы. Чувство времени у него было развито отлично. Запаса воздуха в баллонах у его товарищей хватало еще как минимум на десять минут.

Первой у края льда вынырнула Катя, тут же подняла на лоб маску, выплюнула загубник. Следом за ней всплыл и Зиганиди. Боевых пловцов можно было и не спрашивать. По их лицам капитан-лейтенанту и без слов стало понятно, что все прошло без сучка и задоринки. Никто их не обнаружил.

Саблин присел на краю льдины и протянул Кате руку. Та даже фыркнула. Мол, вечно ей стараются напомнить о том, что она принадлежит к слабому полу, даже на льдину не заберется без посторонней помощи.

– Как хочешь, – пробурчал Виталий и пожал плечами.

Сабурова и Зиганиди выбрались на лед и начали стягивать с себя гидрокостюмы, поблескивающие от воды.

– Мы даже пару раз ради интереса у них под килем прошлись. Никто на это не среагировал, – сообщил Николай. – Так что, товарищ каплей, можно смело вперед.

– У меня такое ощущение, что ты, Виталий, сейчас прихватишь с собой под воду шахматную доску, – заявила Катя.

– На этот раз ты ошибаешься. Доверяю тебе важное дело: хранить походные шахматы до моего возвращения.

– Есть хранить шахматы до вашего возвращения! – официально отрапортовала Сабурова и улыбнулась командиру: – Удачи!

– К черту! – по ситуации отреагировал Саблин, надел акваланг и подхватил небольшой кофр с диверсионным снаряжением.

Каплей плыл вдоль самой кромки пакового льда, любясь причудливыми наростами и промоинами. Это сверху лед ровный и гладкий, а вот под водой он напоминает причудливые рельефы, изваянные умелой рукой скульптора. Таймер наручных часов Саблин выставил на обратный отсчет. Теперь на подсвеченном мониторе мелькали цифры, показывая, на сколько времени ему еще хватит воздуха.

Вода была кристально чистой, прозрачной. Холод почти не чувствовался. Наконец впереди нарисовался корпус гринписовского ледокола. Саблин подошел к нему со стороны льда. Так у экипажа судна было меньше шансов его обнаружить.

Первым делом каплей занялся рулем. Стараясь не стукнуть, он установил на верхнем шарнире магнитную мину, активировал ее. По плану замедление следовало выставить на пятнадцать минут, но Виталий решил по-другому. На мониторе показалось число десять. Вполне достаточно, чтобы вывести из строя систему охлаждения силовой установки и отплыть на безопасное расстояние. Ведь если настроить мину на более длительное время, то после поломки помпы умные люди смогут обнаружить ее и обезвредить. Саблин любил действовать наверняка.

Теперь Виталий уже спешил, плыл вдоль корпуса ледокола, прислушиваясь к тому, как мерно тархтел мощный дизель. Отверстия для забора воды в систему охлаждения оказались точно на том месте, где их и нарисовал контр-адмирал Нагибин.

Саблин, медленно работая ластами, завис на одном месте и вновь раскрыл небольшой кофр. Он брал в пригоршню поблескивающие силиконовые шарики и осторожно подносил их к отверстиям, куда стремительно всасывалась забортная вода. Такое занятие являлось довольно опасным. Если зазеваешься, то в трубу затынет и руку. Черта с два ее потом оттуда вырвешь.

Шарики, подхваченные течением, исправно, один за другим, исчезали в черных отверстиях. Саблин мысленно представил себе, что происходило дальше. Сейчас силиконовые шары, начиненные толстой титановой стружкой, двигались по трубам, подбираясь к водяной помпе. Пока еще двигатель стучал ровно, но вскоре послышался хруст и грохот.

«Похоже, мы перестарались. Даже корпус у помпы развалился». – Виталий прижал голову к обшивке ледокола и прислушался.

Ему показалось, что он даже различал, как хлестала в машинный отсек вода из расколовшейся помпы. Двигатель застучал неровно, а затем смолк.

«Пора», – решил Саблин, но тут вдруг почувствовал, как что-то появилось у него за спиной, и резко обернулся.

Метрах в семи от него в воде покачивалась на телескопической штанге небольшая видеокамера. Объектив нагло пялился на каплея.

«Вот же черт, засекли, – мысленно выругался Виталий, злясь на самого себя. – Надо уходить».

Но с реализацией этого правильного решения случилась заминка. Послышалось несколько всплесков. Саблин увидел четырех аквалангистов с пневматическими ружьями для подводной стрельбы.

Только этого капитан-лейтенанту и не хватало. Конечно же, опытный боевой пловец, каким являлся Виталий, мог бы вступить в подводный бой и с четырьмя противниками. Ведь эти люди вряд ли имели специальную подготовку. Но в планы каплея не входило причинение вреда кому-либо. Задачу перед ним поставили четко: надолго обездвижить ледокол и не засветиться при этом. С первым все вроде сложилось, а вот со вторым как-то не очень.

Аквалангисты заходили грамотно, окружая Саблина полукольцом. Виталий вспомнил о mine, установленной на руле судна. Кого-нибудь из этих парней могло и зацепить взрывом. Поэтому он абсолютно честно указал рукой в направлении руля и затем энергичным жестом продемонстрировал, что вскоре там рванет. Мол, держитесь подальше, чтобы не зацепило. Единственным направлением, по которому мог отступать Саблин, было северное. Он энергично заработал ластами. Над его головой простирались ледяные своды.

Преследователи явно намеревались схватить диверсанта, даже не подозревая, какой опасности себя подвергают, сойдись они врукопашную с Саблиным. Аквалангисты продолжали плыть полукольцом, не давая Виталию возможности повернуть назад.

Один из них нажал на спуск. Из ствола ружья вырвалась череда серебристых пузырьков. Гарпун прошел совсем рядом с каплеем. Он даже почувствовал движение воды, расходящейся от него. Кофр со снаряжением сковывал движения, но Саблин не собирался его бросать. Он абсолютно справедливо полагал, что впоследствии аквалангисты его поднимут и у них в руках окажется доказательство совершения диверсии.

Послышался далекий взрыв.

«Ну вот!.. Дело сделано. Теперь и руль у них бездействует».

Но радоваться было рано. Саблин глянул на таймер, ведущий обратный отсчет. Воздуха в баллонах оставалось на семь минут, а он уже значительно удалился от края льда. Только на то, чтобы вернуться, уйдет минуты четыре. Но не поплывешь же навстречу преследователям. Чтобы прорваться через них, придется у кого-нибудь перерезать шланг, сорвать маску. Тут и до беды недалеко. В конце концов, перед ним, скорее всего, честные и благородные парни, которые свято верят в правоту своего дела. С какой стати подвергать их жизни риску? Но и сам каплей оказался в западне. Воздух кончался, а на поверхность не всплывешь. Над головой лед.

Тут Виталию пришла в голову спасительная идея. Он заработал ластами так быстро, как только мог, все дальше уходя под лед. Преследователи заметно отстали. Саблин пошел вверх, уперся головой в лед, отыскал в нем самую глубокую ложбину, вымытую течением. В кофре оставалась еще одна магнитная мина, запасенная на тот случай, если не сработает первая. Виталий вытащил ее.

Конечно же, магнит ко льду не притягивается, поэтому каплею пришлось совершить несколько круговых движений по льду днищем мины, а затем плотно прижать ее. Саблин медленно отвел руку.

«Сработал. Держится. Примерзло», – подумал он.

Аквалангисты приближались. Саблин выставил замедлитель на тридцать секунд, после чего так же честно, как и в прошлый раз, показал жестами, мол, здесь мина и сейчас она рванет. Парни оказались сообразительными и тут же повернули назад.

Виталий проскользнул под ледяным сводом и укрылся за причудливым выступом, продолжая в мыслях вести обратный отсчет:

«Девять, восемь... три, два, один».

Раздался взрыв. Саблина перевернуло. Он увидел, как толстый лед над его головой дал трещину. Теперь ему оставалось только надеяться на то, что кумулятивный заряд пробил ледяной панцирь насквозь. Шанс для этого имелся. Каплей выбрал для установки мины место, где лед был самым тонким.

Виталий придержал маску рукой и врезался головой в жуткое крошево. Острые края льдин царапали гидрокостюм, норовили сорвать баллон со спины. Но все же каплею удалось вынырнуть. Яркий солнечный свет ударил ему в лицо. Взрыв проделал в ледяном панцире полынью около четырех метров в диаметре.

Саблин барахтался среди мелких прозрачных обломков и никак не мог ухватиться за край монолитного льда. Наконец ему удалось закинуть на него руку, но в тот же момент он почувствовал, как кто-то схватил его за ногу и попытался утащить под лед. Он ударил невидимого противника ластом, запустил пальцы в снег, осторожно подтянулся и выскользнул из проруби. Каплей отполз от полыньи, сел, первым делом сбросил ласты, потом и баллон.

Аквалангисты уже выбирались на лед. Они едва сумели продраться сквозь ледяные обломки, при этом лишь один из них сохранил свое ружье. Виталий поднялся на ноги. Из оружия при нем имелся только нож.

Вооруженный гринписовец держал его на прицеле подводного ружья. Остальные трое торопливо избавлялись от снаряжения. Саблин стоял, глядя на них через стекло маски. Нож он держал так, чтобы его лезвие было хорошо заметно. Мужчины тяжело дышали.

Парни выглядели страшно разозленными и агрессивными, но, глядя на них, можно было понять, что это милые и честные люди. Один из гринписовцев жестом показал Саблину, чтобы тот снял маску. Виталий отрицательно качнул головой. Дескать, он ни за что этого не делает. Гринписовец повторил свое предложение. При этом парень качнул стволом ружья, как бы намекая, что если Саблин не подчинится, то он выстрелит.

Виталий повернул голову. Вдалеке уже виднелись Зиганиди и Сабурова, спешившие ему на помощь. Тут случилось то, что и должно было случиться, – заряженное ружье раньше или позже обязательно выстрелит. То ли нервы у гринписовца были на пределе, то ли пальцы в холодной воде онемели до бесчувственности. Так или иначе, но гарпун вылетел из ствола. Если бы Саблин не был готов к этому, то острое вошло бы ему в грудь. А так гарпун лишь пробил гидрокостюм, толстую прослойку из двух шерстяных свитеров и оцарапал плечо каплей.

Когда тебе лишь угрожают оружием – это одно, когда в тебя стреляют – совсем другое. Теперь Виталий имел моральное право ответить. Он взмахнул лезвием ножа. Гринписовец с ружьем в руках инстинктивно отшатнулся, после чего Виталий резко прижал лезвие к своему запястью и ударил крепко сложенного парня кулаком в лицо. Из разбитого носа потекла кровь. Здоровяк покачнулся и рухнул на лед. Саблин так же молниеносно уложил еще одного противника. После чего он отчетливо, на хорошем английском посоветовал их приятелям не связываться с ним. Те пыхтели, пыжились, но подходить боялись.

В небе послышался стрекот мотора. Изящный гидроплан без опознавательных знаков заложил круг, сел на льдину и подрулил к Кате и Николаю. Те исчезли в открытом люке. Затем гидроплан заскользил поплавами по снегу, приблизился к Саблину. Тот на прощание махнул рукой своим противникам и скрылся внутри салона. Гидроплан, поднимая облака снега, разогнался и взмыл в небо.

Гринписовцам не оставалось ничего другого, как только проводить его взглядом.

– Все в порядке? – Нагибин смотрел на гарпун, торчащий из плеча Саблина.

– Насколько я понял по звуку, водяная помпа системы охлаждения раскололась. Мина на шарнире руля сработала исправно. Теперь им без сухого дока ледокол не реанимировать.

– Я не об этом. – Контр-адмирал усмехнулся. – Ты вроде бы ранен, каплей.

– Ерунда, товарищ контр-адмирал. Только поцарапало. – Саблин ухватил гарпун правой рукой и осторожно выдернул его. – Теплый свитер помог.

Вслед за острием потянулись грубые шерстяные нитки.

– А разрешите поинтересоваться, товарищ контр-адмирал, что нас ждет впереди? – спросила Сабурова.

– Всемирная слава, – абсолютно серьезно ответил Федор Ильич, а затем с улыбкой добавил: – Но, конечно же, не за те мелкие гадости, которые вы сегодня умудрились сделать. Происшествие с ледоколом «Гринписа» так и останется тайной для мировой общественности.

– Так за что нам мировая слава? – удивился Саблин.

– Потому что я слово свое держу. – Контр-адмирал гордо вскинул голову. – В ближайшие дни вы, как я и обещал, отправляетесь на международные соревнования боевых пловцов. Они пройдут совсем недалеко, на Огненной Земле. Надеюсь, вы обеспечите первое место команде Российской Федерации. Только вот жаль, каплей, что там нельзя будет продемонстрировать твой способ выходить на поверхность из-под пакового льда, а то какие-нибудь умники сразу вычислят, чьих рук дело порча ледокола.

– Ничего, товарищ контр-адмирал, у меня есть в запасе множество всяческих собственных разработок.

– Эффектных или эффективных? – Нагибин усмехнулся.

– И тех и других, – ответил каплей.

– Это мой вам подарок за отличную службу. – Федор Ильич продолжал улыбаться. – Вы весь мир объездили, но повсюду бывали лишь при исполнении.

- Положим, и соревнования, и показательные выступления боевых пловцов – это тоже вроде как служба, – произнес Саблин.
- Так я же не спорю и время на отдых вам гарантирую.

Глава 2

Шумела вода. Скрежетал металл. Натужно гудела помпа. Моторный отсек научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов», которое терпело крушение в водах Антарктики, был затоплен почти под самый потолок.

Оттуда доносились отчаянные крики и возгласы, перемежавшиеся отборным матом: – Потонем же! Надо отсюда выбираться! Все сматываемся! Живо!

Из приоткрытого люка показалась голова главного механика. Он буквально вынырнул из моторного отсека и заскользил по дощатому настилу палубы. Следом за ним оттуда один за другим стали выбираться и его многочисленные помощники.

Тут судно, медленно кренившееся на правый борт, вздрогнуло, дернулось. Один из механиков оказался не таким проворным, как его товарищи. Он не успел вовремя ухватиться за леер и упал в ледяную воду. Его моментально накрыла с головой волна, по которой скользила громоздкая льдина, толстая, но прозрачная, как стекло. Под ней показалось скованное ужасом посиневшее лицо. В широко открытых глазах читалась полная безысходность.

Младший механик несколько раз моргнул, словно бы прощаясь со своими товарищами, затем раззявил рот. В легкие хлынула вода. Обмякшее тело стало медленно погружаться в темную, непроглядную морскую пучину.

Если все те люди, которые оказались на палубе, уже мысленно попрощались с жизнью, то вот капитан Владимир Ерохин с радистом Николаем Леоновым, находившиеся в рубке, все еще не теряли надежды на спасение. Первый безуспешно пытался выровнять крен, перекачивая воду в балластную цистерну левого борта. Второй же посылал сигналы SOS, пока безответные.

– Ну и что там у тебя? – прошипел сквозь стиснутые зубы капитан, не отводя глаз от приборной панели, на которой мигали тревожные красные вспышки и противно попискивали датчики.

– Глухо, как в танке, – бросил радист и прикусил до крови нижнюю губу.

– Давай, Коля, давай!.. Кто-то же должен откликнуться.

– Надеюсь.

Вскоре старания Леонова были вознаграждены. На сигналы SOS, подаваемые им, откликнулся норвежский рыболовецкий сейнер. Но эйфория, охватившая радиста с капитаном, быстро прошла. Оказалось, что норвежцы находились слишком далеко и не могли вовремя прийти на помощь команде судна «Профессор Молчанов». Правда, при этом они пообещали, что свяжутся со своими соотечественниками, которые недавно разбились на берегу научно-исследовательскую станцию, и попросят тех выслать вертолет на место крушения корабля.

После этого связь с сейнером неожиданно оборвалась. Все попытки Леонова возобновить ее ни к чему не приводили. Складывалось впечатление, что норвежцы отключились нарочно.

– Вот же черт! – рыкнул радист и в сердцах ударил кулаком в стенку так сильно, что костяшки в кровь сбил.

– Без паники! – с напускной невозмутимостью бросил Ерохин, успокаивая то ли себя, то ли своего подчиненного. – Если они сказали, что нам помогут, значит, так и будет. Скандинавы слов на ветер не бросают.

– Почему вы в этом так уверены? – Леонов прищурился и тут же с подозрением добавил: – И вообще, они какие-то странные, эти норвежцы. Вроде обычные рыбаки, которым до науки никакого дела нет, а знают, что где-то неподалеку находится их научно-исследовательская станция. Да и есть ли она на самом деле?..

– Что ты имеешь в виду? – насторожился капитан.

– Может, они нам лапши на уши навешали, чтобы успокоить, а сами тем временем, пока мы будем тонуть, продолжат рыбку и крабов из воды таскать? Это же промысловики, для них улов важнее всего на свете.

– Брось о дурном думать! – шикнул на него Ерохин, который даже в мыслях не мог допустить чего-то подобного.

Вдруг через отчаянные возгласы на палубе, скрежет металла и гул помпы до слуха капитана донеслись приглушенные крики о помощи. Они исходили откуда-то снизу.

– Ученые! – спохватился капитан, который во всей этой суматохе забыл о том, что на борту вверенного ему судна помимо экипажа находится еще и научно-исследовательская группа. – Похоже, они в каюте застряли, не могут выбраться. – С этими словами Ерохин бросился к двери и скрылся за нею.

Радист Николай Леонов остался наедине с самим собой, но думал недолго. Он что-то пробормотал себе под нос, махнул рукой и побежал следом за Ерохиным.

Для любого капитана отдать команду о прекращении борьбы за живучесть судна – это почти то же самое, что решиться покончить жизнь самоубийством. Дается такое чрезвычайно трудно. Но капитан ответственен не только за судно, но и за жизни команды и пассажиров. Люди дороже любого железа. Ерохин наконец-то сделал свой нелегкий выбор и приказал всем организованно покидать судно.

– Почему бездействуете? Живее спускайте плоты на воду! – срывающимся голосом командовал Владимир.

Он с трудом удерживал равновесие на кренящейся палубе и шаг за шагом приближался к надстройке, в которой располагалась кают-компания.

Властный и решительный голос Ерохина отрезвлял механиков, заряжал их энергией. Словно выведенные из гипноза, они хватались за леера, карабкались по кренящейся палубе, начинали отвязывать спасательные плоты и спускать их на воду.

– Товарищ капитан, постойте, я с вами! – неожиданно услышал капитан, моментально обернулся на голос и увидел радиста, спешащего к нему.

Обычно Ерохин не прибегал к чьей-либо помощи, всегда и во всем полагался исключительно на свои силы. Но сейчас был не тот случай. Лишняя пара рук ему не помешала бы. Вдобавок капитан не знал, что ждет его там, внизу, под надстройкой, где располагалась кают-компания.

– Давай, только быстрее. Эти ученые уже наверняка по горло в воде сидят.

– Есть быстрее, товарищ капитан, – бросил радист и ускорился, рискуя упасть за борт тонущего судна.

В скором времени Ерохин с Леоновым уже спускались по винтовой лестнице.

До их слуха долетали встревоженные голоса ученых:

– Спасите! Замок заклинило! Мы не можем выбраться!

Спустившись по лестнице, капитан с радистом оказались в узком, слабо освещенном коридоре. Воды в нем было уже по колено, при этом она довольно быстро прибывала. Ерохин с Леоновым моментально оценили обстановку, поняли, что в лучшем случае у них есть пять-шесть минут, после чего весь коридор будет полностью затоплен.

– Поспешим! – обронил капитан и, увязая ногами в воде, двинулся по коридору, в дальнем конце которого виднелась дверь с иллюминатором, ведущая в кают-компанию.

За запотевшим стеклом то и дело возникали бледные, словно покрытые мелом, лица ученых. Они с надеждой в глазах поглядывали на Ерохина с Леоновым, которые приближались к ним, рискуя своими жизнями.

Когда капитан с радистом подоברались к двери, за иллюминатором показался руководитель научно-исследовательской группы Михаил Павлович Давыдовский, худосочный бородач с глубоко посаженными глазами.

Он тут же затараторил сквозь дверь, активно жестикулируя при этом:

– Замок заклинило. Так что пытаться открыть ключом бесполезно. – Михаил Павлович едва шевелил губами, посиневшими от холода. – Да и выломать его не получится. Мы уже пробовали...

– Не в обиду вам будет сказано, но мы с Николаем покрепче вас, ученых людей, будем, – неожиданно оборвал его Ерохин. – Так что посторонитесь-ка там.

Спорить Давыдовский не стал. Капитан и радист действительно были крепко сбитыми мужчинами.

Давыдовский коротко кивнул и отошел в глубину помещения вместе со своими людьми. Капитан с радистом переглянулись и, не сговариваясь, стали поочередно ударять в дверь своими могучими плечами. Но заклинившая коробка не поддавалась даже и этим совместным усилиям.

Ерохин подскочил к пожарному щиту и сорвал с креплений ярко-красную кирку. Он широко размахнулся и ударил острым концом, но немного промахнулся. Кирка пробила обшивку всего в паре сантиметров от зазора. С третьей попытки капитан попал точно в цель. Кирка вошла между полотном и косяком. Радист тут же ухватился за плоский конец кирки. Капитан подналег плечом на длинную деревянную рукоятку. Было непонятно, что поддастся первым: сломается деревянная ручка, или же стальное полотно будет освобождено.

– Осторожно, рывками, не переусердствуй!.. – шептал капитан, толчками налегая на ручку кирки.

Противно заскрипел металл, и дверное полотно выскользнуло из плена. В кают-компании неровно моргало дежурное освещение. Ученые стояли по пояс в воде. Между ними плавали большие серебристые кофры с аппаратурой.

– Наконец-то! – вырвалось у Давыдовского. – Я уже думал, что нам тут конец придет.

– Вы почти не ошибались. – Ерохин криво усмехнулся, жестом направляя ученых к выходу. – Быстрее на палубу! Судно продержится на плаву минут десять-пятнадцать, никак не больше. Проследите, чтобы все ваши люди покинули борт. Вы их знаете лучше меня.

– Аппаратуру не забудьте! – Руководитель научно-исследовательской группы уже толкал перед собой большой серебристый кофр, похожий на гроб.

– Очень ценное?.. – спросил капитан, придерживая за ручку какой-то длиннющий футляр.

– Бесценное! – Ученый произнес это слово абсолютно серьезно. – Существует пока в единственном экземпляре.

– Ладно, лекцию можно будет и на берегу послушать. Спасайте своих людей и имущество. Вам виднее, что сколько стоит.

Ерохин спешил вернуться на палубу, где уже вовсю шла эвакуация. Теперь он был спокоен за научно-исследовательскую группу. Ученых вызволили из плена, и о них было кому побеспокоиться. Еще один спасательный плот, туго свернутый в цилиндр, ухнул в воду, и тут же сработала автоматика. Зашипел сжатый воздух, выходящий из баллона. Ярко-оранжевый плот почти мгновенно развернулся и закачался у борта «Профессора Молчанова», терпящего бедствие.

Ученые уже вытаскивали аппаратуру на палубу.

– Куда девать все это? – попытался докричаться до капитана Давыдовский.

– На плот грузите. Должен выдержат.

Плот подпрыгивал на волнах. За канаты его подтянули к наклонившемуся борту. Ученые бережно перегружали блестящие кофры с бесценной аппаратурой. Порывами налетал ветер, гнал с берега колючий снег. Невысокое солнце расплывшимся желтым диском светило с небес.

Один из членов научно-исследовательской группы, молодой мужчина с аккуратной бородкой, подбежал к Ерохину, руководившему эвакуацией.

– Товарищ капитан, вездеходы спасать надо! – крикнул он. – Дайте мне двух человек из команды.

Ерохин прищурился и не смог вспомнить, как зовут этого ученого.

– Илья Шепелев, старший научный сотрудник, – подсказал обладатель аккуратной бородки.

– Какие на хрен вездеходы? Куда я их погружу. Дай нам господь спасти всех людей и ваше чертово оборудование. Не мешайте, присоединяйтесь к своим товарищам. Судно вот-вот на дно отправится.

Ерохин понятия не имел, какие именно вездеходы находятся на борту научно-исследовательского судна. Они стояли в больших ящиках, туго принайтованных к палубе. Ему почему-то представлялись гусеничные машины со стальными траками. Такие транспортные средства невозможно спасти с тонущего судна. Тут нужен плавающий кран, платформа на понтонах.

Но Шепелев не унимался и требовал:

– Товарищ капитан, дайте мне двух человек. Наши вездеходы держатся на поверхности воды не хуже ваших плотов.

Ерохин удивленно посмотрел на настойчивого старшего научного сотрудника и торопливо поинтересовался:

– Илья, вы верите в то, что говорите?

– Да, разумеется, – ответил тот. – Времени в обрез. Дайте мне двух человек.

– Черт с вами, – сдался Ерохин.

Он понимал, что операция по спасению вездеходов – это лишнее время, а значит, и огромный риск. Накренившийся «Профессор Молчанов» в любой момент мог перевернуться. Тогда люди, находившиеся на палубе, неминуемо погибнут. В том числе и он. Ведь капитану положено последним покинуть борт судна, терпящего бедствие.

Теперь на борту оставались лишь шестеро. Все остальные уже находились на плотках и держались в отдалении от гибнущего «Профессора Молчанова».

Шепелев, двое его товарищей-ученых, столько же моряков и сам капитан отчаянно колоутили топорами, кирками, ломками по деревянным ящикам, сработанным на совесть, каждый размером с небольшой автобус. Пищали выдираемые гвозди, спиралью завивалась металлическая обивочная лента, отлетали доски. Наконец отвалилась и целая стена ящика. Взору Ерохина предстал красавец вездеход, вид которого абсолютно не совпадал с тем, что ожидал увидеть капитан.

Зализанный аэродинамический корпус размерами и формой напоминал микроавтобус. Цвет ярко-красный. Большие окна. За лобовым стеклом виднелся автомобильный руль. Четыре ряда сидений. Вот только с колесами был непорядок. Три оси на консолях, это да. Но вместо протекторов виднелось что-то странное, напоминавшее скукожившиеся надувные двухспальные кровати.

– И как эта штука плавает? – Ерохин скептически покосился на такое чудо техники.

– Сейчас сами увидите, товарищ капитан.

Разлетелись и два оставшихся ящика. В них были точно такие же вездеходы, только один выкрашен в яркий канареечный цвет, а второй – в бирюзовый. Шепелев и двое его товарищей-ученых уже забрались в кабины. Негромко заурчали двигатели. Зашипели компрессоры. Двухспальные кровати стали оживать, наполняться воздухом, разворачиваться.

Ерохин нервничал. Палуба продолжала крениться. Корабль мог перевернуться в любой момент. Но он уже доверился Шепелеву, а потому и не стал ничего говорить ему под руку. Ведь это страшно раздражает – ты сам торопишься, делаешь важную работу, а к тебе пристают с расспросами, заставляют озвучивать вещи, которые для тебя очевидны!

Огромные, по высоте большие, чем сами корпуса вездеходов, колеса наконец-то были надуты.

Шепелев открыл дверцу, замахал рукой и крикнул:

– Товарищ капитан, скорее садитесь.

Ерохин дождался, когда в желтую машину сядут его моряки, а затем забрался к старшему научному сотруднику.

Вездеход был совсем новым, еще пах пластмассой, краской. Внутри все было как в обычном автомобиле. Мягкие велюровые кресла, приборная панель, рычаг переключения скоростей, руль и педали.

– Илья, не забудьте, что мы должны покинуть судно последними, – напомнил капитан о своих обязанностях.

– Так и сделаем, – отозвался Шепелев и махнул рукой своим товарищам, чтобы съезжали с палубы раньше его машины.

Первым неторопливо покатился желтый вездеход. Гигантские пневматические колеса легко преодолели бортовое ограждение. Машина соскользнула на воду. Колеса завращались быстрее, и вездеход гигантской желтой водомеркой заскользил по воде, раскачиваясь на волнах. Это было завораживающее зрелище. Казалось, будто машина неподвластна законам физики. Ей не требовался ни гребной винт, ни водометный движитель, ни паруса, ни пропеллер. Она просто катила на колесах по воде.

– Отличная машина! – Шепелев даже улыбался, несмотря на весь драматизм ситуации.

Капитану пришлось согласиться:

– Первый раз такие вижу.

Покатил и бирюзовый вездеход. Он преодолел бортовые ограждения так легко, словно их и не было, и спрыгнул на воду.

Ерохин обернулся, огляделся, в последний раз запечатлевая в памяти, как выглядит его судно, которому скоро суждено уйти на дно.

– С богом, – тихо проговорил Шепелев, отпуская тормоз.

Ярко-красный вездеход, набирая скорость, покатился по палубе, очень мягко, почти неощутимо, перевалил через ограждение и оказался на воде. Среди волн, в окружении ледяного крошева, покачивались три вездехода и шесть спасательных плотов. Между ними все еще возвышался накренившийся «Профессор Молчанов». Капитан нервно кусал губу, понимая, что сделал все от него зависящее и ничем не может помочь судну, ставшему родным, бывшему для него с десятков лет и рабочим местом, и домом.

Силовая установка судна уже захлебнулась, смолкла. Кое-где еще виднелись огоньки аварийного освещения. Корабль продолжал крениться, волны закатывали на палубу. Затем послышался шум. Забулькала вода. Судно перевернулось килем кверху, на несколько секунд замерло, нос пошел вниз, над водой возвысилась корма с замершими латунными винтами.

– Ну вот и все, – тихо проговорил Ерохин сам для себя и взглядом попрощался с «Профессором Молчановым».

Судно вертикально ушло под воду. Волны сомкнулись над кормой. Среди льдин покачивались обломки досок и всякий корабельный мусор, выгнанный из кают и коридоров ледяной водой.

До берега было недалеко – около двух кабельтовых. Ветер медленно гнал спасательные плоты в открытое море.

– Сейчас мы это исправим, – нейтральным тоном проговорил Шепелев, понимая состояние души капитана, который словно только что похоронил близкого человека.

Вездеходами управляли умелые водители. Чувствовалось, что, до того как оказаться на борту научно-исследовательского судна, они прошли хорошую подготовку. Шепелев вдавил педаль газа, и вездеход заскользил в сторону открытого моря. Внутри, в салоне, было тепло и уютно. Печка исправно гнала горячий воздух.

Несмотря на драматизм ситуации, Ерохина не покидало ощущение, что он не в настоящем вездеходе, а в каком-то туристическом, аттракционном. Уж слишком чисто, чересчур уютно, нереально комфортно. Обзор несколько закрывали огромные колеса. Капитан недоверчиво покосился на то, что было ближе к нему. Черная поверхность колеса казалась какой-то слабенькой и ненадежной, словно была сделана из тонкого латекса.

– Может, не стоит особо спешить? – обратился капитан к старшему научному сотруднику. – Мы и так идем быстрее плотов.

– Что-то не так? – спросил Шепелев.

– У льдин края острые, можно колеса повредить.

– Это не резина, а кевлар, – объяснил старший научный сотрудник.

– Тот, из которого пуленепробиваемые жилеты делают?

– Он самый, прочнее любой стали. Если придет в голову такая блажь, то об него можно и ножи точить. Не хуже, чем о наждак.

Красный вездеход подошел поближе к плоту, который дальше других унесло в море.

Шепелев открыл дверцу, бросил конец людям, сидевшим на нем, и крикнул:

– Привязывайте.

Затем он выбрался из машины, ловко балансируя на консолях, к которым крепились оси, добрался до хвостовой части вездехода и закрепил трос за фаркоп. После этого Шепелев вернулся в салон, заложил широкий круг по воде и стал приближаться ко второму плоту. Вскоре каждый из трех вездеходов уже буксировал за собой к берегу по два спасательных плота.

– Где выйдем на берег, товарищ капитан? – повернув голову к Ерохину, спросил Шепелев.

– Я бы предпочел вон ту бухту. – Капитан указал рукой. – Но возможности машин известны вам лучше.

– Она только по вертикальным поверхностям ездить не умеет. – Старший научный сотрудник рассмеялся и покосился на айсберг, возвышающийся слева по курсу. – Можно спокойно взбираться на склоны до сорока пяти градусов.

Звукоизоляция салона тоже была хороша. Сюда лишь слегка проникал шум воды. Первым берега достиг красный вездеход и, даже не останавливаясь, потащил за собой на тросе два плота. Машина выехала на невысокое плато. Шепелев заглушил двигатель и глянул на капитана. Следом за ним сюда поднялись два других вездехода и остановились рядом.

Операция по спасению с тонущего судна людей и оборудования была завершена. Только сейчас капитан дал волю чувствам.

– Большое вам спасибо, – сказал он и крепко пожал руку Шепелеву. – Простите, что не сразу прислушался к вашим словам.

Ерохин выбрался из машины и увидел, что люди покидали спасательные плоты. Температура воздуха для Антарктики была просто жаркой. Всего минус четыре градуса по Цельсию. Но дул пронзительный ветер вперемежку со снегом, мокрая одежда мгновенно замерзала и становилась словно сделанной из жести. Благо борт судна, терпящего бедствие, члены экипажа и ученые покидали организованно, прихватив с собой и багаж. Так что у них было во что переодеться.

Промокших членов команды и ученых запускали в вездеходы, где они могли сделать это в тепле и комфорте. Вскоре капитан уже мог «подвести итоги» кораблекрушения. Благодаря организованным действиям команды и наличию вездеходов на пневматическом ходу был спасен основной груз в виде научного оборудования и люди. К сожалению, за исключением механика, ушедшего под лед.

Каждый вездеход был оборудован радиостанцией и спутниковой связью. Не прошло и нескольких минут, как Шепелев уже говорил с ближайшей российской научно-исследовательской антарктической станцией, расположенной на побережье. Ерохин сообщил координаты и

обстоятельства гибели судна. По антарктическим меркам до станции было недалеко – около пятисот километров, если по прямой. Полярники обещали прислать самолет за командой «Профессора Молчанова» и учеными, но метеоусловия пока не позволяли этого сделать.

В неприветливых водах Антарктики случайные люди практически никогда не появляются, если не считать, конечно, некоторого числа отморозенных туристов-экстремалов. Российское научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов» тоже пришло сюда не просто так.

Антарктика – место уникальное. Этот континент практически еще не обжит человеком. И дело тут не только в суровом климате. В конце концов, уже давно существуют технологии, позволяющие добывать полезные ископаемые за Северным полярным кругом. Там целые города возводят. И ничего, живут люди, работают, когда полгода длится день и столько же ночь. Тяжело, конечно, но дело решают деньги. Хорошо заплатишь – люди будут и на Луне работать. Плюс романтика.

У Антарктики же особый статус, подтвержденный международными договоренностями. Этот континент не принадлежит ни одному государству и в то же время доступен для всех. Любая страна, желающая этого, может открыть на территории Антарктики собственную научно-исследовательскую станцию, проводить там испытания. Но здесь запрещено добывать какие-либо полезные ископаемые. А ведь научные исследования уже подтвердили, что в недрах Белого континента имеются богатые залежи каменного угля. На шельфе и в прибрежной полосе открыты месторождения нефти и газа.

Вся человеческая деятельность в Антарктике жестко регламентируется международными соглашениями. Даже те страны, которые претендуют на часть этих земель, как, к примеру, Аргентина, стараются их не нарушать. Так было до недавнего времени. Но мало какие из международных соглашений подписываются на вечное время, обычно их заключают на определенный срок. Скажем, на двадцать, тридцать, сорок лет. В дальнейшем они либо денонсируются, либо их действие продлевается.

В мире практически не осталось неразведанных залежей углеводородов. Уже известно наперед, на сколько лет где их хватит. Единственное исключение – Антарктика. В этом смысле тут конь еще не валялся. Между тем действие соглашений, запрещающих добычу полезных ископаемых на Белом континенте, истекает в ближайшее десятилетие. То государство, которому удастся к этому моменту разведать эти поистине золотые залежи, окажется в большом выигрыше.

У Российской Федерации, самой большой страны в мире, очень много уже разведанных и разрабатываемых месторождений, но она никак не может оставаться в стороне от общемировых тенденций. К тому же советские, а потом и российские геологи разработали одни из самых передовых в мире технологий поиска и добычи углеводородов в полярных условиях.

Именно поэтому научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов» и оказалось в роковой для себя день у берегов Антарктики. Экспедиция готовилась больше года. Специально созданная группа ученых, в которую входили геологоразведчики, электронщики, метеорологи, должна была испытать уникальное оборудование, позволяющее без буровых платформ и другого тяжеловесного железа производить разведку углеводородов в условиях вечной мерзлоты и наличия мощного ледового покрова.

До последнего дня все шло по плану. Научно-исследовательское судно подошло к берегам Антарктики. Группа ученых с уникальным оборудованием должна была высадиться на побережье. После чего геологоразведчики на трех вездеходах отправились бы к станции Лазаревская, находившейся в семидесяти километрах к западу и законсервированной еще в советские времена. Там они занялись бы поисками месторождений углеводородного сырья.

Но, как нередко бывает, неудача подкараулила экспедицию в самый последний день. Судно предположительно столкнулось с каким-то подводным препятствием, в результате чего

получило пробоину и затонуло. Лишь благодаря слаженным действиям команды, профессионализму капитана Ерохина и наличию на борту универсальных вездеходов на пневматическом ходу удалось избежать самых страшных последствий. При эвакуации погиб лишь один член команды. Все остальные были спасены, удалось без потерь эвакуировать и уникальное, единственное в своем роде оборудование.

Дальнейшая судьба экспедиции вроде бы просматривалась абсолютно четко. Ученые могли заняться своей работой. Предстояло эвакуировать лишь спасшихся членов команды. Ближайшая работающая российская станция располагалась примерно в пятистах километрах, и помощь могла бы подойти оперативно, если бы не погодные условия, не позволяющие использовать авиацию. В сложившейся ситуации капитан Ерохин принял единственно верное решение.

Глава 3

Погода ухудшалась. Снег не падал, но ветер нес его по земле. Вездеходы и спасательные плоты, замершие на месте, быстро покрыла белая пелена. Первое время люди еще пытались очистить их, но вскоре выбились из сил, ведь у них не было даже элементарных снегоуборочных лопат. Они не входят в комплектацию спасательного плота, который должен использоваться лишь в море, а не на суше.

– Если нас окончательно занесет, то никто и не заметит, – наконец-то признал очевидное Ерохин. – Прогноз на ближайшее время неутешителен. Вряд ли самолет подыметесь в воздух.

Давыдовский вынужден был согласиться с этим и добавил:

– Можно, конечно, греться в вездеходах по очереди, но тогда мы быстро сожжем весь запас топлива.

– Это далеко не лучший выход, – подтвердил Шепелев.

– Предлагаю двигаться в сторону Лазаревской. Там есть законсервированные запасы топлива и провизии, модульные дома. Если туда доберемся, то легко продержимся до прибытия помощи. Ваши вездеходы смогут отбуксировать до Лазаревской спасательные плоты по снегу? – спросил капитан.

– Раньше я подобным не занимался, – признался Шепелев. – Но топлива, по-моему, должно хватить, даже если идти с таким грузом.

– Вы так уверены в своих машинах?

– А почему бы и нет!.. Во всяком случае, я ничего лучшего пока не встречал. Гусеничные вездеходы на базе армейской техники – это вчерашний день. Будущее за машинами на пневматическом ходу.

– Что ж, придется поверить вам на слово, – проговорил капитан.

– Михаил Павлович, тогда прошу в мою машину. – Старший научный сотрудник сделал широкий жест, указывая на красный вездеход. – Вам как руководителю положено лучшее место – рядом с шофером.

Давыдовский покачал головой.

– Может, и положено, но я его уступаю другим. Сам поеду на спасательном плоту вместе с аппаратурой. Не хотелось бы повредить ее во время транспортировки. Так что, Илья, сильно не гони. На плоту тряска страшная.

Антарктика – единственный континент, где вообще нет дорог. А к чему они, если природа сама позаботилась о том, чтобы соорудить обширные открытые пространства, занесенные снегом?

Машины шли колонной, чтобы тратить меньше топлива на прокладывание колеи и санного следа. Впереди двигался ярко-красный вездеход. Огромные колеса разбрасывали снег, и он вихрился за кормой этого чуда техники.

Шепелев удобно расположился в уютном велюровом кресле и рулил лишь одной рукой. Тут тебе ни встречного движения, ни разделительных полос, ни перекрестков. По большому счету можно было просто зафиксировать руль, на педаль газа положить кирпич и даже немного вздремнуть.

Ерохин сидел в кресле рядом с водителем. В салоне на разложенных сиденьях жались друг к другу десять членов команды «Профессора Молчанова». Хоть и тесно, но все же комфортнее, чем ехать на спасательном плоту.

– Никогда раньше не видел таких машин, – удивлялся капитан. – Откуда они взялись в нашей экспедиции? Их специально для арктических условий разрабатывали?

– Самое смешное, что конструкторы абсолютно не думали о том, что эти машины будут работать в полярных условиях. Их в Беларуси создали. Для того чтобы по полесским болотам

ездить, обслуживать плантации клюквы. Этому вездеходу без разницы – по земле он катит, по бетону, трясине или озеру. Даже останавливаться не приходится, когда с суши на воду перемахиваешь.

– Это я уже заметил, – вставил Ерохин.

– Придуманы просто, прямо как топор, но гениально. У них даже покрышек нет. – Шепелев бросил ленивый взгляд на широкое колесо, вращающееся за стеклом. – Одна только тонкостенная камера из кевлара. Давление в ней даже немного меньше одной атмосферы. Поэтому площадь соприкосновения с поверхностью большая и сцепление хорошее. Снег, кстати, придавливает даже меньше, чем лыжник. Легкая, маневренная. Топлива жрет совсем мало, как легковая машина. На ней, кстати, и двигатель, и коробка от «Фольксвагена» стоят. Серийные, между прочим. Я на этих изобретателей абсолютно случайно вышел – судьба свела. Пригласили меня друзья на рыбалку в белорусское Полесье. Там Припять течет, и рыбы столько, что руку сунь – тут же за палец цапнет. Правда, есть ее лучше не надо, Чернобыль поблизости.

– Это больше удовольствие, чем промысел, – сказал капитан. – Я в речной и озерной рыбалке ничего не понимаю, а вот в море рыбу ловить умею.

– Полесье – это почти сплошное болото. Города и деревни стоят только на песчаных островах. Раньше, еще до мелиорации, вообще непролазное место было. От одной деревни до другой всего какой-то километр, а люди к родственникам только зимой, когда все льдом схватит, попасть могут. Вот и мы до места рыбалки от Гомеля черт знает чем добирались. Сперва машиной, потом пешком и на лодке. Места дикие! Ивы старые стоят, а на каждой штук по десять гнезд – цапли живут. Мне говорили, что это самая большая популяция в Европе. И вот стоим мы с удочками, пейзаж такой, будто цивилизации вообще не существует. Ни тебе шоссе до самого горизонта, ни линий электропередачи, разве что самолет в небе зарисуется. Тут смотрю и глазам своим не верю. Катит по воде автомобиль на колесах, спокойненько себе так, словно и не вода под ним, а стекло. Подруливает к нам, не останавливаясь, на берег выезжает. Из кабины серьезный мужчина вылезает, с бородой. Познакомились. Оказывается, это конструктор с минского завода колесных тягачей. Вот такую вот хрень придумал по заказу их Министерства сельского хозяйства. Фирму небольшую организовал, где эти вездеходы и выпускает под заказ. Всякие охотники да рыбаки с деньгами охотно покупают. Недорого стоит – тысяч под двадцать зелени. Основное в цене – это кевлар для колес. Я как эту технику увидел, так сразу и понял, что ничего лучшего для полярных условий не существует. Белорусскому изобретателю эта идея понравилась. Он в бизнесе фишку рубит. Наш институт академический три такие машины купил. А сам изобретатель бизнес на компаньонов оставил и с одним другим иным делом промышлять стал. Он теперь в здешних краях. – Шепелев повел рукой перед собой, имея в виду просторы Антарктики. – Они туристов на вездеходах катают. Писал мне недавно, что хорошо зарабатывает. Настоящим полярником заделался. Обещал, кстати, и на Лазаревскую как-нибудь заехать, гостей привезти.

– И много туристов в Антарктике бывает? – спросил капитан.

– Хватает. Вот украинцы на своей станции и научные исследования проводят, и бар организовали, единственный в Антарктике, если не считать тех, которые в американских гостиницах на самом Южном полюсе находятся. Наловчились они здесь самогон гнать и классный маркетинговый ход придумали. Мол, единственный в мире горячительный напиток на кристально чистой ледниковой воде!

Спасательный плот, буксируемый красным вездеходом, бросало из стороны в сторону. Временами он даже подлетал на снежных неровностях. Давыдовский сидел на одном из кофров, руками и ногами пытался придерживать другие. Полог надувного домика он не застегивал, чтобы видеть, что происходит вокруг. Снег вместе с ветром врвался внутрь, сек руководителя группы по лицу.

Давыдовский постоянно чертыхался, а потом сказал неизвестно кому:

– Вот уж точно день не задался. А все, что плохо начинается, имеет тенденцию продолжиться точно так же.

Что именно может пойти не так, он пока себе не представлял. Вроде бы самое страшное уже позади. Кораблекрушение пережито. С борта «Профессора Молчанова» удалось эвакуировать людей, самое важное оборудование и даже вездеходы. Но гнусное предчувствие не покидало доктора наук.

Сквозь разрыв в метели он увидел впереди мрачные параллелепипеды законсервированной антарктической станции Лазаревская. Модульные домики, цистерны с топливом, ангары казались плоскими, словно вырезанными из серого картона. Ощущение заброшенности, безжизненности просто струилось от этих строений, давило на психику. Впечатление усугубляло низкое солнце, еле пробивающееся сквозь несущийся снег.

Вездеходы сбавили скорость, и караван неторопливо подкатил к самому большому модульному дому. Замолкли моторы. Люди неохотно выбирались из теплых салонов на улицу.

Борода и брови у Давыдовского за время путешествия успели покрыться инеем. Он смахнул его толстой рукавицей и осмотрелся. Ему было известно, что в штатном режиме станция способна принять максимум двадцать человек. Это из расчета спальных мест. Его научно-исследовательская группа состояла из десяти участников. Плюс команда утонувшего судна. Это еще двадцать персон.

Теперь ему предстояло разместить всех, дать им кров и пропитание до того времени, пока прибудет спасательный самолет с соседней российской антарктической станции. Если верить прогнозу, то ожидание могло затянуться на целую неделю. Давыдовскому не хотелось терять время, оно было на вес золота. Ведь вскоре должна была наступить полярная ночь.

Ученым следовало испытать аппаратуру и собрать максимум материала, чтобы потом, когда на Антарктику навалится темнота, иметь возможность спокойно его обрабатывать. Да и с исследованиями на шельфе стоило поспешить. Недели через три океан могли сковать льды.

В суровых климатических условиях существуют свои правила жизни и взаимоотношений между людьми. Здесь не принято устанавливать внешние запоры, вешать замки. Любой человек, потерпевший бедствие, должен иметь возможность воспользоваться продуктами, теплом, кровом. К тому же в Антарктике нет животных, способных проникнуть в жилые помещения станции. Это хитрый белый медведь может научиться открывать засовы. А пингвин хоть и сообразительный, но все же птица. Он питается рыбой, и ему на удалении от моря, среди снегов, делать нечего.

Давыдовский отбросил засов на двери, дернул полотно на себя и шагнул в тамбур, обросший инеем. Ему повезло: следующая дверь тоже не примерзла. Помещение, служившее на станции клубом, столовой и комнатой для совещаний, выглядело неприветливо. Сквозь окна, покрытые причудливыми ледяными узорами, едва пробивался свет. У ученого возникло такое впечатление, что он очутился в ледяной избушке. Здесь все покрывал иней. Столы, стулья казались сделанными из хрупкого снега.

– Заносите оборудование! – крикнул он и вышел на улицу.

Ерохин явно чувствовал себя слегка растерянным. Человек, привыкший всем управлять на море, на суше оказался в непривычном для себя качестве. Но все же у него имелась своя команда, которую нужно было занять делом.

– Михаил Павлович! – обратился капитан к руководителю научно-исследовательской группы. – Разрешите моим людям заняться расконсервацией электростанции.

– От помощи не откажусь, – согласился Давыдовский.

Он тоже прекрасно понимал, как важно чем-то занять людей. Тогда и время бежит быстрее.

Мотористы «Профессора Молчанова», подсвечивая себе фонарями, уже колдовали в мрачном помещении электростанции. Большой корабельный дизель стоял на помосте, сварен-

ном из швеллера. Первым делом люди проверили солярку, подведенную прямо из цистерны. Опасения оказались напрасными. Дизельное топливо было качественным, сохраняло текучесть. А ведь могло случиться и так, что хлопья парафина забили бы патрубки.

Старший моторист Алексей Котов навернул на шкив кожаный ремень с палочкой-попечкой, привязанной на конце, и резко дернул его. Пускач завелся с полуоборота, затарахтел.

– Получилось! – Леша улыбнулся. – Теперь будем молиться, чтобы заработал и дизель. – Он повел на себя рычаг.

Что-то заскрежетало. Дизель вздрогнул и секунд десять крутился вхолостую. Товарищи Алексея замерли в напряжении. Наконец мотор чихнул и завибрировал.

– Порядок. Теперь главное – не спешить, дать ему разогреться.

В помещениях станции зажегся электрический свет. Стали нагреваться ТЭНы. Вскоре иней превратился во влагу, заработала система вентиляции, лужицы на полу понемногу подсыхали.

Тем временем Шепелев вместе с другими водителями вездеходов топтался возле старого бульдозера «Т-75» в арктическом исполнении. Им удалось запустить древнюю технику. Илья сел за рычаги и принялся расчищать проходы между модульными домиками.

Ожила и радиостанция. Была налажена связь с внешним миром. Давыдовский и Ерохин смогли доложить своему руководству о положении дел на станции и почувствовали себя гораздо спокойнее.

Через полтора часа повар уже приготовил обед и люди смогли поесть горячего. Помещение, где стояли столы, наполнилось ароматами тушенки, свежего кофе. Звенела посуда, разговоры сделались громкими, зазвучали шутки.

Подкрепившись, Давыдовский с Ерохиным отправились осматривать окрестности. У западной оконечности станции надо льдом и снегом возвышалась небольшая плоская скала. На одном ее отроге высился бетонный постамент, а на нем стоял бюст вождя мирового пролетариата. Владимир Ильич выпученными бетонными глазами смотрел в сторону океана. Зрелище было довольно-таки сюрреалистическим. Капитан и руководитель научно-исследовательской группы, не сговариваясь, усмехнулись.

– Вот же времена были. Переть на край света памятник Ленину!.. Уж лучше бы лишних пару сотен литров солярки или консервов сюда забросили, – проговорил Давыдовский.

– Да уж, Михаил Павлович!.. У меня такое ощущение, будто мы с вами попали в машину времени и вернулись лет на тридцать в прошлое. Вот придем обратно на станцию, и придется вам проводить политинформацию.

На скале, неподалеку от памятника Ленину, виднелось еще одно сооружение. Глядя на него, улыбаться никому уже не хотелось. За незамысловатой оградкой, сваренной из стальных труб и якорных цепей, на металлическом постаменте из ржавых швеллеров и уголков стояли два запаянных цинковых гроба. Они словно зависли между небом и землей.

– Да, времена были!.. – проговорил Давыдовский. – СССР – единственная страна, которая не забирала погибших и умерших полярников домой, а хоронила их таким вот варварским способом прямо в Антарктике.

Ерохин подошел и смахнул рукавом снег с табличек из нержавеющей стали, укрепленных прямо на цинковых гробах. Но прочитать имена полярников он так и не смог. Металл покрывала толстая корка льда.

– Даже не знаю, что и сказать. «Пусть земля будет вам пухом» – нет, эти слова в нашем случае не подходят, – проговорил капитан.

– Мир праху, – нашел нужную формулировку Давыдовский.

– Я не хотел бы мешать вашим исследованиям. Вы и так многое сделали и делаете для команды погибшего судна, – сказал Ерохин. – Обустройвайтесь на станции так, словно моих людей здесь нет, и приступайте к работе. Единственное, на что мы претендуем, – это поль-

зваться пищеблоком. На складе достаточно каталитических обогревателей, работающих на бензине. Моя команда будет жить на спасательных плотках и в палатках. Я же понимаю, время вас поджигает.

– Спорить не стану. – Давыдовский благодарно улыбнулся.

Мужчины стояли на краю скалы и смотрели на то, как тархтящий, дымящий бульдозер расчищал взлетно-посадочную полосу для приемки спасательного самолета. Старенький «Т-75», за рычагами которого сидел Шепелев, исправно трамбовал траками снег.

– Ну вот. Жизнь продолжается, – произнес Ерохин. – Скоро я и мои люди уже совсем не будем вас стеснять.

Небольшой городок Рио-Гранде, находящийся в аргентинской части острова Огненная Земля, никогда прежде не видел такого наплыва туристов. Обычно жизнь тут течет медленно. Одни и те же новости перетираются в разговорах неделями, а то и месяцами. Но проведение международного соревнования боевых пловцов подтянуло на этот неприветливый край света множество любителей дайвинга, флотских отставников и просто любопытных. Не каждый же год проводятся подобные мероприятия. Да и боевые пловцы – каста закрытая.

Попасть на соревнования в качестве зрителя – удовольствие не из дешевых. Самая состоятельная публика прибыла сюда на своих яхтах. В небольшом порту трепетали на ветру флаги чуть ли не всех стран мира.

Как и предвидел Нагибин, команда Российской Федерации заняла первое место. Вообще-то это событие следовало бы хорошо отметить, но завтра три команды, вышедшие в финал, ожидали показательные выступления.

Катя Сабурова и Николай Зиганиди сидели в номере у Саблина. На столе, рядом с чашками кофе, поблескивали три золотые медали с ленточками, окрашенными в цвета аргентинского флага. Товарищи как раз обсуждали, стоит ли включить в показательные выступления не до конца отрепетированный номер. При его исполнении Катя погружалась бы с распущенными волосами.

– Это всегда впечатляет публику, особенно мужчин, – настаивала Сабурова.

В дверь номера деликатно постучали. Саблин машинально глянул на часы, стоявшие на прикроватной тумбочке.

– Двенадцать ночи. Поздновато, – тихо произнес он и разрешил: – Входите!

Дверь отворилась, и троица уставилась на позднего гостя. Вот уж кого они не ожидали увидеть здесь и сейчас!.. На пороге стоял контр-адмирал Нагибин. Одетый в джинсы и легкий цветастый свитер, он выглядел непривычно и экстравагантно.

– Добрый вечер. Вернее, доброй ночи, – произнес он, прикрывая за собой дверь. – Разрешите присесть?

Растерявшиеся боевые пловцы даже не знали, что и сказать. Нагибин со своей обычной, еле уловимой улыбкой, не дожидаясь приглашения, отодвинул плетеный стул, сел на самый его краешек, положил на стол руки со сцепленными пальцами.

– Кофе не предложите? – светским тоном поинтересовался он.

– Конечно, товарищ контр-адмирал. – Катя тут же вспорхнула из-за стола и вернулась к нему со сферической стеклянной колбой, в которой плескался кофе. – Еще не совсем остыл. Или вам свежий приготовить? – спросила она.

– Наливай какой есть.

– Поздравить нас приехали? – наконец-то прорезался голос и у Саблина, который прекрасно понимал, что вряд ли Нагибин преодолел многие тысячи километров лишь для того, чтобы лично поздравить победителей международных соревнований.

– И это тоже. – Контр-адмирал бросил взгляд на золотые медали. – Молодцы, постарались. Ничего другого я и не предвидел.

Федор Ильич поднялся и по очереди пожал всем руки. Но улыбка тут же исчезла с его лица.

Он сделался предельно серьезным и распорядился:

– Соберите вещи. Мы сейчас уезжаем.

– А как же показательные выступления? О них уже объявлено. Соберутся зрители, – растерялась Сабурова.

Нагибин покачал головой и заявил:

– В показательных выступлениях примут участие команды, занявшие второе и третье места. Ваши выступления отменяются. Я уже сделал соответствующие распоряжения.

– И что скажут публике? – напрягся Зиганиди.

– Объяснят, что российская команда отравилась некачественным ужином. Извините, но ничего лучшего мне в голову не пришло. Я жду вас во дворе гостиницы. На сборы десять минут. – Контр-адмирал глянул на часы, одним глотком допил кофе, пружинисто поднялся и вышел за дверь.

– Ну и дела!.. – выдохнула Катя. – Никогда не знаешь, чего от него ждать.

– Приказ есть приказ. – Николай тоже вздохнул.

– Надеюсь, это не гринписовцы так оперативно успели отремонтировать свой ледокол.

Товарищи разошлись по своим номерам. Флотская дисциплина дала о себе знать. Все трое почти одновременно появились у стойки и сдали портье ключи от номеров. Он положил перед боевыми пловцами буклет с программой соревнований и попросил автограф.

– Мой сын за вас очень переживал. Даже ставку сделал на вашу команду и выиграл.

– Мы рады за него. – Катя поставила подпись.

Саблин криво черкнул программку в самом углу и придвинул к Николаю. Тот расписался совсем неразборчиво.

За стеклянной дверью маячил силуэт контр-адмирала. Идеально прямая спина, развернутые плечи, гордо поднятая голова. Широко расставленные ноги свидетельствовали о том, что большую часть времени Федор Ильич привык проводить в море.

Катя подхватила свой чемодан и покатила его к выходу, при этом на корню пресекла попытку портье услужить ей.

– А где машина? – спросила Сабурова, оглядевшись.

– До порта недалеко, можно и пешком пройти, – объяснил Нагибин. – А все оборудование я уже отправил грузовым фургоном, который принадлежит отелю.

Федор Ильич быстро сдвинулся с места. Он даже не оборачивался, чтобы проверить, следуют ли за ним его подчиненные.

Колесики чемодана Кати гулко стучали на стыках плит. Эти звуки далеко разносились по ночному городку.

В самом начале портовой стенки стояла элегантная моторная яхта. Над ее кормой вяло колыбался новозеландский флаг. Сходни были опущены. На борту яхты виднелся неулыбчивый мужчина в капитанской фуражке и белом костюме.

– Нам сюда, – негромко произнес Нагибин, пропуская вперед себя Катю, Виталия и Николая.

Обладатель капитанской фуражки лишь кивнул в знак приветствия, руки не подавал.

– В тесноте да не в обиде. – Нагибин распахнул дверь каюты. – Тут вам придется жить втроем.

– Нам не привыкать. Тут места побольше, чем в палатке. – Катя вкатила в просторную каюту чемодан и вопросительно посмотрела на контр-адмирала.

– Располагайтесь. Жду вас через пятнадцать минут в кают-компани. – Нагибин аккуратно прикрыл за собой дверь.

Тихо заурчал двигатель, и яхта отправилась в путь.

– Судьба всегда готова преподнести множество неожиданных поворотов, – философски заметил Виталий, забрасывая свой рюкзак на верхнюю полку.

Через четверть часа боевые пловцы поднялись в кают-компанию. Оборудована она была дорого, но неброско и со вкусом. Кожаная мебель сдержанных тонов. Низкий журнальный столик с толстой стеклянной столешницей. На стене огромный экран плазмы. Стеллаж с книгами и бар со стеклянной дверцей, подсвеченный изнутри. Одну сторону кают-компании занимало широкое панорамное окно, сквозь которое можно было видеть удаляющиеся огоньки Рио-Гранде.

Нагибин стоял, заложив руки за спину, и смотрел на ночное море.

– Присаживайтесь к столу, – не оборачиваясь, произнес контр-адмирал. – Я вам обещаю славу, вы ее получили. А вот со всем остальным придется немного подождать. Появилось неотложное дело. – Он резко обернулся, взял с полки ноутбук, лист бумаги, остро отточенный карандаш и пристроил все это на стол.

– Для начала можно узнать, куда мы направляемся? – осторожно полюбопытствовала Катя.

– Даже не можно, а нужно. – Нагибин усмехнулся. – Мы направляемся к берегам Антарктиды.

– К чему такая спешка? – спросил Саблин.

– Резонный вопрос, – согласился контр-адмирал. – В одной из бухт залива Ронне, это у острова, который называется Земля Александра Первого, несколько дней тому назад затонуло российское научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов». Благодаря уверенным действиям команды и расторопности капитана кораблекрушение обошлось почти без жертв. Погиб лишь механик. Большая часть оборудования была эвакуирована. Цель экспедиции – доставить группу ученых на законсервированную полярную станцию Лазаревская и приступить к геологоразведке. Более подробно обо всем этом вы можете узнать из файлов, которые я вам передам. – Нагибин защелкал клавишами компьютера, на экране появилось изображение «Профессора Молчанова». – Судно предположительно получило пробоину, столкнувшись с подводным препятствием. Нарост льда или скала. Но наши аналитики, учитывая основную цель экспедиции, не исключают и диверсии.

– Какова основная цель? – поинтересовался Саблин.

– Правильный вопрос. Цель определяет мотивы действий возможных диверсантов. Многие страны, в том числе и Россия, в настоящее время активизировали поиск углеводородного сырья в самой Антарктиде и на тамошнем шельфе. Это своеобразная гонка. Такая геологоразведка не совсем законна. Но никто не запрещает заниматься ею в чисто научных целях.

– Вы считаете, что в нашем варианте присутствует гонка с выбыванием? Кто-то решил устранить конкурентов?

– Вполне возможно. Нам повезло, что вы оказались единственной хорошо подготовленной группой боевых пловцов в данном регионе. Время теперь на вес золота. Еще несколько недель, и бухту могут сковать льды. Тогда к затонувшему судну не подобраться. А нам нужно оперативно выяснить, был ли это несчастный случай или же диверсия, а также оценить возможность подъема судна. Если это можно сделать, то приступить к работе надо немедленно, до наступления холодов.

– В трюме остался ценный груз?

– Самое важное оборудование было эвакуировано. А в трюме в разобранном виде находится мобильная буровая платформа, опытный экземпляр.

– Задача ясна, – заявил Саблин.

Нагибин отсоединил от компьютера флешку, протянул ее Виталию и сказал:

– Держи, капель. На досуге почитаешь сам и познакомишь с информацией своих товарищей. А теперь всем отдыхать. Завтра днем мы уже окажемся на месте и должны будем тут

же приступить к работе. – Контр-адмирал поднялся, давая понять, что вводный инструктаж окончен. – И пожалуйста, капель, не суши мозги над шахматами хотя бы сегодняшней ночью. Мне твоя сообразительность потребуется завтра.

– Шахматы мозги не сушат, товарищ контр-адмирал. Спокойной ночи.

Боевые пловцы покинули кают-компанию. Нагибин вновь подошел к панорамному окну, заложил руки за спину и долго смотрел на море. Затем он взял пульт со спинки дивана, нажал кнопку. Тихо загудел электропривод, плотная штора закрыла стекло. Федор Ильич уменьшил свет, сбросил ботинки, прилег на диван и закинул руки за голову.

Море мерно качало яхту. Саблин с Нагибиным стояли на палубе. Волны неярко поблескивали. Их цвет был такой, словно их отлили из стали. Птицы с криками носились над водой, то и дело ныряли, выхватывали рыбу и уносили ее к близкому берегу. Слева по борту виднелись антарктические горы, похожие на египетские пирамиды. До самого горизонта там и тут белели вершины айсбергов.

– В таком бы пейзаже да отпуск провести!.. – мечтательно протянул Саблин.

– Для отдыха я предпочитаю теплые моря. В крайнем случае Балтику, – серьезно проговорил Нагибин.

Моторная яхта уверенно резала волны. Взору открывались все новые и новые бухты. Нагибин поднес к глазам бинокль, некоторое время всматривался в побережье, затем снял ремешок с шеи и подал оптику каплею.

– Это вон там, видишь? – указал он рукой. – Над бухтой как раз раздвоенная вершина горы. Глубина, на которой залегает «Профессор Молчанов», небольшая, до тридцати метров. Так что барокамера нам не потребуется.

На палубу с чашкой кофе в руках вышла Катя.

– Легко ты оделась для здешней погоды. – Федор Ильич улыбнулся. – Доброе утро.

– Я не мерзлячка. – Катя пристроила чашку на выступ надстройки, застегнула молнию куртки и накинула капюшон с меховой оторочкой.

– Ученые уже добрались до станции, расконсервировали ее, ждут помощи и готовы приступить к работе, – проговорил Нагибин. – Надеюсь, и мы быстро со всем справимся. Жаль, конечно, что показательные выступления не состоялись, но у нас очень мало времени.

– Что ж, выступление – это роскошь, которую мы не можем себе позволить, – произнес Саблин.

Яхта стала забираться к берегу. Рулевой изящно обошел громаду айсберга, возвышающуюся над водой, и замедлил ход. Пейзаж был величественным. Узкий каменистый пляж, местами покрытый снегом. Горные вершины и заснеженная площадка перед ними. Яхта замедлила ход, замерла на волнах. Было слышно, как тихо работала ее силовая установка.

– Якорь бросать не будем? – поинтересовался Саблин.

– Лишнее. – Нагибин махнул рукой. – Эта посуда вся напичкана электроникой. Автоматика может удерживать судно на месте с точностью до полуметра.

Саблин ввел в навигатор координаты, переданные радистом «Профессора Молчанова».

– Под воду спустимся я и Катя, – сказал Виталий. – А ты, Николай, останешься на борту.

Зиганиди пожал плечами. Спуск производился в холодных антарктических водах, но не сулил быть экстраординарным. Ведь предстояло сделать не так уж и много. Отыскать пробоину и определить ее характер, а также проверить трюм затонувшего судна. Если его гибель стала следствием диверсии, то нельзя было исключать, что кто-то пытался достать оттуда оборудование – экспериментальную мобильную буровую вышку.

В теплые вещи и гидрокостюмы подводники облачались в кают-компании. Катя и Виталий стояли друг к другу спиной. При этом Саблин видел ее отражение в панорамном окне.

– Волосы не забудь распустить. Это очень эффектно.

– Сам ты дурак, товарищ каплей. – Сабурова рассмеялась. – И, пожалуйста, не пялься так открыто на мое отражение в стекле.

– Можно подумать, я тебя не наблюдал в самых разных видах.

– Одно дело – служба, а другое – когда ты за мной просто подглядываешь.

– Я глаза закрыл.

– Теперь можешь открывать, все равно я уже второй свитер надеваю.

Катя, Виталий и Нагибин стояли на дощатой площадке, закрепленной на корме яхты. Внизу плескалась вода.

– С нетерпением жду вашего возвращения. – Федор Ильич махнул рукой.

Катя и Виталий синхронно ушли под воду с края настила. Контр-адмирал скрестил на груди руки и прислонился к корме яхты. Он следил взглядом за удаляющейся чередой пузырьков, лопавшихся на поверхности воды.

Видимость была отличной. Виталий по наклонной продвигался ко дну. Следом за ним плыла Сабурова. Внизу уже различались контуры затонувшего судна. «Профессор Молчанов» лежал на правом борту. Ни надстройка, ни мачты не были повреждены. Возле корабля сновали верткие рыбки, тонким туманом висел планктон.

Рука Саблина коснулась обшивки судна. Теперь он двигался вдоль самого борта. Катя всплыла повыше, обогнала его и указала рукой на замеченную пробоину. Виталий зажег фонарь и осветил рваные края металла. Катя была уже рядом, осторожно ощупывала пальцами разорванный металл.

Пробоина была небольшой, и это настораживало. Если судно наткнется на подводное препятствие, то обычно обшивку вспарывает как консервным ножом, и пробоина получается протяженной. Тут же создавалось впечатление, что в борт ударили чем-то острым. Края металла загибались внутрь. Такой след могла оставить только взрывчатка. Не очень мощный заряд, но достаточно сильный для того, чтобы пробить стальные листы.

«Значит, все-таки диверсия. Кто-то установил мину». – Саблин поднял голову.

Они с Катей смотрели друг другу в глаза сквозь стекла масок. Под водой не промолвишь ни слова, и поэтому боевые пловцы хорошо обучены искусству общаться при помощи жестов и взглядов.

«Да, я тоже уверена, что это диверсия. Пробоину проделала взрывчатка», – прочитал Саблин в глазах Кати и тут же ответил ей: – «При этом диверсант вряд ли хотел потопить судно вместе с экипажем. Пробоина небольшая, время на эвакуацию оставалось. Может, все дело в грузе, который остался лежать в трюме?»

Катя согласно кивнула. Она тоже была такого мнения.

Аквалангисты заскользили вдоль борта. Теперь перед ними вертикальной стеной стояла палуба. Пробоина была слишком мала, чтобы через нее проникнуть в трюм. Поэтому пловцам пришлось искать люк. Саблин отдраил его, открыл, направил внутрь фонарь. Свет выхватил из темноты металлические ступеньки крутого трапа. Катя указала пальцем на себя. Мол, я поплыву. Там мало места, и мне будет легче развернуться. Саблин немного поколебался, затем дал согласие и протянул Кате конец тонкого капронового шнура. Та обвязала его вокруг запястья, приняла от Саблина фонарь и медленно вплыла в люк.

Внутренности корабля для человека непосвященного – это всегда лабиринт. Здесь хорошо ориентируются лишь команда судна, его строители да таможенники. Любому другому недолго и заблудиться. Ведь каждый корабль уникален. Логика поворотов, люков, дверей, перехода с одной палубы на другую иногда не поддается объяснению. К тому же во время ремонтов во все это иногда вносятся такие изменения, что сам черт ногу сломит. Катя изучила на компьютере план «Профессора Молчанова», но все же действовала чрезвычайно осторожно.

Саблин понемногу разматывал шнур. Сабурова медленно продвигалась вперед, подсвечивая себе фонарем. Она следила за тем, чтобы шнур ни за что не зацепился, ведь при возвра-

щении он стал бы для нее путеводной нитью. Катя то и дело обменивалась с Саблиным сигналами. Они дергали за шнур, сообщая друг другу, что все идет хорошо.

Катя отдраила еще один люк, нырнула в темноту трюма и едва успела отшатнуться. Оказалось, что ящики с элементами экспериментальной буровой вышки при затоплении судна сорвались со своих мест и разбились. Теперь в трюме криво торчали алюминиевые фермы, стойки, раскосы. Катя чуть не ударилась стеклом маски в торец швеллера. Перебирая руками, она стала осторожно протискиваться в глубь переплетающихся металлических профилей, чтобы понять, не уцелело ли несколько ящиков в дальнем конце трюма, куда не добивал свет фонаря.

Когда Катя уже была близка к цели, прочный капроновый шнур вдруг резко дернулся, потащил ее. От неожиданности она даже выпустила фонарь. Тот выскользнул из пальцев, кувыркаясь, стал опускаться, ударился о шпангоут, мигнул, на секунду погас, а затем загорелся вновь. Но уже каким-то неправильным, мигающим, неровным светом.

Сабурова не успела развернуться, как шнур попал между двумя перекрещивающимися балками, и женщину прижало к ним. Тонкий шнур сильно врезался в запястье. Если бы Катя находилась на воздухе, она вскрикнула бы от боли, но теперь лишь крепче стиснула загубник и потянулась за ножом. Острое лезвие пересекло шнур, и он, извиваясь белой змеей, исчез в открытом люке. В этот момент фонарь погас. Катя оказалась в кромешной темноте.

«Что это было? – подумала Сабурова. – Главное – не паниковать, – остановила она себя. – Из каждого положения бывает выход».

Катя пыталась понять, что происходит за пределами судна, но слышала лишь, как пузырьки воздуха звонко ударяют в металл.

«Черт!» – мысленно выругалась она, пытаясь припомнить, в какой стороне находится открытый люк.

Сабурова шарила вокруг себя, наткнулась на перекрещивающиеся конструкции и понимала, что из этого лабиринта в полной темноте будет ой как трудно выбраться, если это вообще получится. Катя вдавила кнопку на часах. Загоревшийся слабый свет позволял видеть лишь немного: взвесь, кружившуюся в воде, да поблескивающие алюминиевые уголки.

«Черт, черт, черт!.. Что же там с Виталием? Ведь это явно не он потащил за шнур».

В этом Катя Сабурова была абсолютно права. За шнур дернул не Виталий. Ему незачем было учинять такую пакость. За пару минут до этого Саблин сосредоточенно стравливал шнур в открытый люк так, чтобы тот сильно не натягивался, но и не провисал, не зацепился за какой-нибудь выступ, которых на каждом судне хватает.

Тут Виталий почувствовал неподалеку от себя какое-то движение, но успел лишь повернуть голову. Возможно, если бы руки у него не были заняты, он успел бы спастись. А так ему не удалось увернуться от сети, наброшенной на него.

Два аквалангиста в пятнистых, как камуфляж, гидрокостюмах действовали умело и решительно. Они быстро свели концы сети и потащили к себе каплея, барахтавшегося в ней.

Виталий выхватил нож и попытался перерезать сеть. Но не тут-то было. Внутри веревок, из которых она была сплетена, находились тонкие металлические тросики. Остро отточенное лезвие лишь царапало их, но не могло перерезать.

Чем активнее пытался освободиться Саблин, тем сильнее запутывался в предательски гибкой сети. Аквалангисты быстро работали ластами и тащили за собой сеть. Они шли почти над самым дном, поднимая с него илистую взвесь.

Впереди под скалой показался слабый свет. Виталий теперь экономил силы, не дергался, выжидал момент, когда можно будет оказать сопротивление и дать отпор.

Слабый свет исходил от весьма причудливой конструкции. Это была металлическая платформа, по бокам которой стояли винты, забранные в цилиндрические кожухи. Сверху имелись два кресла с ремнями и дощатый помост за ними. В передней части тускло горели две фары.

Люди, напавшие на Саблина, попытались отнять у него нож. Но им это не удалось, хотя движения Виталия и были скованны. Он умудрился пырнуть одного из аквалангистов лезвием в плечо. Из разреза гидрокостюма потянулась тонкая струйка крови, после чего каплей тут же получил сильный удар кулаком в солнечное сплетение. Благо гидрокостюм и два толстых шерстяных свитера смягчили его.

Злодеи явно спешили. Они пристегнули извивающегося каплея брезентовыми ремнями к деревянному помосту, сели в кресла. Загудели электромоторы, завращались винты, ярче загорелись фары. Платформа быстро заскользила над самым дном.

Первое время похитители то и дело оглядывались, но вскоре убедились в том, что Саблин вел себя смирно, перестали обращать на него внимание. Ведь путь был непростым. Платформа шла между дном и ледяной глыбой, нависающей над ним. Рулевому приходилось постоянно маневрировать.

Шел второй день ожидания. Погода немного улучшилась, но все равно спасательный самолет еще не мог подняться в воздух. Людям, оказавшимся на антарктической станции, уже начинало казаться, что они провели в этих местах не два дня, а как минимум неделю. Все им здесь стало знакомо. Радист постоянно находился на связи, боясь пропустить самое важное сообщение. Людям, потерпевшим бедствие, в любой момент могли передать, что спасательный самолет вылетел за ними.

Давыдовский не терял времени даром. Он уже приступил к исследованиям. Два вездехода отдыхали, загнанные в ангар, а на третьем, ярко-красном, шестеро членов научно-исследовательской группы отправились к побережью.

Ровно работал двигатель переносного генератора. Молодой аспирант Валерий Черный ручным перфоратором пробивал неглубокую скважину в скале. Каменные обломки так и летели из-под насадки. Подрывник Сергей Сазонов, сбросив рукавицы, сосредоточенно зачищал изоляцию на тонких проводках. Давыдовский стоял возле вездехода и неторопливо набивал табаком свою любимую трубку. Каждую щепоть он подносил к носу и с удовольствием вдыхал аромат вишни.

Неподалеку, возле приборов, расставленных на скале, перед открытым ноутбуком сидела на раскладном брезентовом стульчике единственная женщина, участница экспедиции, аспирантка Марина Островцова. Давыдовский, слегка косясь, рассматривал ее стройную фигуру. Марина появилась в его группе совсем недавно, месяц тому назад. Обворожительная двадцатипятилетняя красотка. Глядя на нее, трудно было поверить, что за броской внешностью скрывается серьезный ученый.

– Михаил Павлович! – Марина резко повернула голову, и Давыдовскому пришлось сделать вид, будто он совсем не интересовался ее фигурой со спины. – Среди полярников курить не принято. Надо здоровье беречь. Или же вас не впечатлили два цинковых гроба, находящихся тут с советских времен?

Давыдовский хмыкнул. Замечание подчиненной ему не очень понравилось. В конце концов, он руководитель, сам решает, стоит ему курить или нет. По большому счету Марина, конечно, была права. В экстремальных условиях лучше избегать вредных привычек. Но Михаил Павлович всегда умел найти оправдание собственным слабостям.

– Я с тобой, Мариночка, не согласен. – Он усмехнулся, достал дорогую зажигалку, специально приспособленную для раскуривания трубок, щелкнул затвором и несколько раз пыхнул дымом.

Ветер подхватил его и понес в сторону аспирантки.

– Вкусно пахнет?

– Вишней, а я к ней индифферентна.

– Не говори о простых вещах умными словами. К самой ягоде ты, может, и индифферентна, а здесь запах вишневых листьев. Дорогой табак, между прочим. А насчет вреда от курения можно еще поспорить.

– Чего уж тут спорить? Все давно наукой доказано, – возразила молодая женщина и передернула плечами.

– Смотри какой наукой. Спроси медика, он тебе однозначно ответит, что курить вредно. А вот поговори с психологом, и нарисуеться совсем другая картина. Понимаешь, Мариночка, курение – это что-то вроде священнодействия, особенно если любишь баловаться трубкой. Ее сперва ершиком почистить надо, затем правильно набить и раскурить. Да и дым вдыхать тоже нужно уметь. Это целое искусство. – Руководитель научно-исследовательской группы еще раз пыхнул ароматным дымом. – Курение – это не только плохая и вредная привычка, но еще и удовольствие. А что оно нам дает?

– Риск сердечно-сосудистых заболеваний и рака легких. А также возможность импотенции, – почти дословно пересказала предупреждение Министерства здравоохранения молодая аспирантка.

– Это страшилки, которые медики рассказывают. Они тебе еще наговорят, что и целоваться вредно. Мол, это обмен жидкостями, насыщенными микробами и вирусами. И секс для них возможен только в презервативе.

– К чему вы клоните, Михаил Павлович? – Марина обворожительно улыбнулась.

– Удовольствие, пусть и не всегда полезное – это положительные эмоции. А они продлевают жизнь. Вот как ты считаешь, утренние пробежки полезны для здоровья?

– Несомненно.

– А я так не считаю. Вот решил человек поправить здоровье, приказал себе бегать каждое утро, невзирая на погоду, по полчаса. И вот просыпается он еще до рассвета. За окном темно, мерзкая слякоть, туман. Ему страшно не хочется выбираться на улицу, но ведь он решил поправить себе здоровье. И вот этот герой бежит по раскисшему снегу, ноги мокрые, сам вспотел, мир кажется ему отвратительным. Какие у него появятся эмоции? – Давыдовский вопросительно посмотрел на Марину.

Та промолчала, и руководителю группы пришлось ответить за нее:

– Отрицательные. Что и требовалось доказать. Именно негативные эмоции приводят к появлению сердечно-сосудистых заболеваний, рака легких, возможно, и импотенции. Мчится любитель утреннего бега сквозь туман, дышит выхлопными газами и сам себе противен. Тут у него хлоп – и инфаркт случается. «Скорая помощь», больница и реабилитация минимум два года, когда больше двух килограммов подымать нельзя и все такое прочее. А вот я проснусь утречком, посмотрю за окно, темнота, слякоть, и еще полчаса поваляюсь в свое удовольствие. А потом заварю себе крепкий кофе, набью трубку ароматизированным табаком, выкурю ее в свое удовольствие и стану счастливым. Так кто из нас двоих здоровее будет, а? – На лице Давыдовского расплылась широкая улыбка.

– Не любите вы людей, – заявила Марина Островцова и поджала губы.

– Почему же не люблю? Очень даже люблю. Особенно если этот человек – женщина. – Михаил Павлович смотрел на Марину уже с нескрываемым восхищением. – Красивая! – добавил он. – Кстати, на Лазаревской с советских времен хорошая сауна осталась и запас дров. Во всяком случае, если верить документам. Надо будет как-нибудь опробовать. Ты не против?

– Ради меня одной сауну топить?

– Почему ради тебя одной? Париться можно и в плавках, и в купальнике. Или ты имеешь что-то против мужской компании? Зачем тогда в экспедицию с нами увязалась?

– Захотелось одной побыть. Я с парнем своим разругалась.

– Не жалеешь, что поехала?

Договорить Марине и Давыдовскому не дал подрывник Сергей Сазонов. Он уже опустил в неглубокую скважину шашку динамита и соединил провода.

– Готово, Михаил Павлович, – доложил Сергей. – Жду вашей команды.

– Начинаем! – Руководитель группы махнул рукой. – Только ты, Илья, подальше вездеход отгони. Кевлар, конечно, вещь хорошая, но береженого бог бережет. Не хотелось бы, чтобы взрывом стекло вынесло.

Давыдовский нацепил на голову большие шумопоглощающие наушники и протянул другую пару Марине.

– Надень, побереги уши! – Михаил Павлович присел возле аспирантки на корточки и без отрыва смотрел на монитор ноутбука.

Сазонов повел обратный отсчет:

– Пять, четыре...

Громыкнуло. Над скважиной поднялся дым. Каменные осколки разлетелись недалеко. Взрывная волна прошла сквозь скальные породы, а затем вернулась эхом. Конечно же, его нельзя было различить слухом. Но чувствительная аппаратура фиксировала любой отголосок, скорость прохождения звуковой волны. Датчики были расставлены по всей территории бухты. Кривая линия нарисовалась на экране компьютера. Последствия несильного взрыва фиксировались приборами по нескольким десяткам параметров.

Сказать что-нибудь точное прямо сейчас было невозможно. Снятую информацию еще предстояло обработать, расшифровать при помощи специальных программ, и только тогда можно было бы делать окончательные выводы. Но сияющая улыбка уже засветилась на лице Михаила Павловича. Он провел ладонью по лицу, захрустел бородой и, казалось, даже на время забыл о том, что с ним привлекательная и свободная молодая женщина, на благосклонность которой он как руководитель мог претендовать в первую очередь.

– По-моему, Мариночка, мы оказались сразу в нужном месте. Тут очень сильно пахнет углекислотой. Попомни мои слова. Если будет снят запрет на разработку в Арктике полезных ископаемых, то первые буровые вышки появятся именно здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.